

Egremont M. Forgotten Land. Journeys among the Ghosts of East Prussia. London : Picador, 2011. 368 pp.

(Эгремонт М. Забытая земля. Путешествия среди призраков Восточной Пруссии. Л. : Пикадор, 2011. 368 с.)

Книга известного английского историка и писателя лорда Макса Эгремонта «Забытая земля. Путешествия среди призраков Восточной Пруссии» вышла в 2011 г. Ее рекламируют слова знаменитого исследователя Второй мировой войны Энтони Бивора на обложке: «Сочетает личный поиск со странной историей Пруссии. Самая лучшая форма травелога». Оценка в высшей степени справедливая: в книге много и личного, и странного. Несмотря на то что Эгремонту, неоднократно бывавшему в бывшей Восточной Пруссии, удалось передать свежесть восприятия событий, присущую публицистике, его работа может быть с полным правом отнесена и к академическому жанру. Ссылки на литературу, карты, индекс имен — все атрибуты научного издания налицо.

Это настоящий травелог — описание путешествия в пространстве и времени. Автор странствует по Калининградской области, Куршской косе и Клайпедскому краю, по польским районам бывшей Восточной Пруссии, он обнаруживает «кёнигсбергский след» в Дуйсбурге, где работает музей Кёнигсберга. Перемещаясь во времени, Эгремонт прибывает к важнейшим историческим событиям забытой ныне земли на берегу Балтийского моря. Хотя экскурсии в прошлое заставляют его обратиться к нюансам истории Тевтонского ордена и Прусского герцогства, основное внимание приковано, конечно, к XX в.

В книге — 25 глав. Автору удалось талантливо передать чувство нашего современника, который как будто бродит среди призраков. Настоящий английский лорд — он невозмутим и заинтересован одновременно. Легкое напоминание о роли, которую сыграли британские бомбардировщики в разрушении Кёнигсберга в 1944 г., а также отражение позиции страны, пребывавшей в разные годы прошлого века в союзе то с Россией, то с Германией, позволяют ему претендовать на некоторую долю объективности в освещении перипетий бурного столетия.

Общий пафос книги — гуманистический. «Место примирения, фантазии или надежды: возможно, — осторожно замечает Эгремонт, — после прошедших болезненных лет такова теперь судьба Восточной Пруссии» (Введение). Призраки, среди которых блуждает лирический герой научного текста, — это те люди, которых примирила сама история «забытой земли». Автор в одном месте цитирует знаменитые слова Альберта Швейцера о солдатских могилах как великих проповедниках мира (11)¹ — Кёнигсберг в Калининграде, намекает лорд Эгремонт, тоже стал таким проповедником.

---

¹ Цитирую текст книги по электронному изданию, подготовленному издательством «Пикадор» в 2011 г. ISBN 978-1-4472-0394-0 EPUB. В связи с отсутствием пагинации ссылки в скобках даются на номера глав. — И. Д.

Как археолог, который неожиданно набрел на руины и по очереди поднимает разбросанные в беспорядке артефакты, автор обращается то к одной, то к другой истории разных людей, чьи имена неразрывно связаны с Кёнигсбергом-Калининградом и другими местами памяти Восточной Пруссии. Зеленоградск (Кранц), Клайпеда (Мемель), Краснолесье (Гросс Роминтен), Мальборк (Мариенбург), Нида (Нидден), Янтарный (Пальмникен)... Среди призраков Восточной Пруссии — Кэте Кольвиц и Марион фон Дёнхофф, Томас Манн и Юрий Иванов, Агнес Мигель и Рудольф Жакмьен, Мартин Бергау и Михаэль Вик, Александр Солженицын и Иосиф Бродский... Наши современники — калининградцы, поделившиеся с автором своими соображениями, и жители Восточной Пруссии, пережившие послевоенную депортацию. Мелькают и ВИП-призраки, например калининградский губернатор, задавшийся целью убрать деревья вдоль дорог. Впрочем, ему наряду со множеством других людей автор в конце книги выражает благодарность за содействие.

Лорд Эгрмонт помещает судьбы своих героев в широкий исторический контекст: воспроизводя свидетельства о насилии советских военных в отношении гражданского населения Восточной Пруссии, он напоминает о пепелище, оставшемся за спинами солдат. Культурные предпочтения автора не ограничиваются немецкой классикой, он хорошо ориентируется и в русской литературе, отсылая читателя то к Достоевскому, то к Тургеневу, то к Толстому. Истории, связанные с этими местами, поражают разнообразием сюжетов, в которых каждому нашлось дело: кайзер Вильгельм охотится, Томас Манн отдыхает, Кэте Кольвиц рисует, Арно Зурмински вспоминает, Михаэль Вик исполняет божественную музыку, Юрий Иванов борется за руины Кёнигсбергского замка, Иосиф Бродский вслушивается в то, как «деревья что-то шепчут по-немецки». Некоторые детали лучше, чем учебник истории, отражают суть времени. Иоханнес Йенике, евангелический пастор, оставшийся здесь после войны, жил в крайней бедности, но наслаждался прогулками по пустым церквям в компании овчарки, которую он считал своей защитницей, пока не продал ее одному русскому за мешок муки. Зимними вечерами пастор мог по крайней мере читать при свечах — подлинными ценностями обрели настолько конкретное выражение (24).

Взгляд автора — сочувствующий, он радуется и грустит вместе со своими героями. В нем нет какой-то антипатии к русским, порой он отмечает пристрастное отношение некоторых свидетелей пребывания Красной армии в Восточной Пруссии, таких как Ганс фон Лендорфф, представивший в «Востоchnопрусском дневнике» жуткую картину насилия, совершенного над мирным населением. Йенике старался смотреть глубже: «Конечно, — резюмирует Эгрмонт, — это был Достоевский, кто понял души тех, кто вторгся в Восточную Пруссию. Иоханнес Йенике видел их не как только русских, но как ужасающе чело- вечных в своей смеси демонического и ангельского» (24).

Оптика понимания, которая была характерна для самых чутких умов (от Достоевского и Йенике), удерживается Эгрмонтом на протяжении всей книги. Он нередко обращается к опыту слабых — детей, евреев перед лицом нацистского террора, вообще, униженных и оскорбленных людей, попавших в мясорубку истории. Другая важная черта дискурса о прошлом этой, по мнению некоторых, «дичайшей части Европы» (15) — многомерное видение этнокультурной истории региона. Немцы здесь были немного не такие, как в основной части Германии (чувствуя себя на краю цивилизации, они многие вещи воспринимали с обостренной болезненностью); рядом с ними жили евреи, литовцы и поляки, потомки зальцбургцев и французских гугенотов. Эгрмонт знает даже о восточнопрусских староверах-филипповцах (2), которые мало известны и нашим соотечественникам. Это не тривиальный рассказ о немцах, на место которых пришли русские; это скрещивание судеб многих людей, история того, как страхи превращались в надежды и наоборот.

Русские, кстати, тоже не имеют общего выражения лица: «советский немецкий» писатель Рудольф Жакмьен и постепенно открывающий для себя очарование старого города Юрий Иванов; вслушивающийся в эхо Первой мировой Александр Солженицын; нынешние калининградцы, которые удивляют Эгрмонта многообразием своих симпатий к кёнигсбергским землякам, — автор пересказывает разговор с университетским профессором о памятной доске на доме Агнес Мигель в Калининграде: «Разве не имеет значения, — спросил я, — что она написала поэму во славу Гитлера?» Профессор сказал, что некоторые хорошие поэты прославляли Сталина» (13). Русские еще не разучились удивлять: в честь Агнес Мигель, которая и в Германии уже имеет мало поклонников, они назвали школу (17). Неугомонность и отзывчивость русской души тоже хорошо объяснил в свое время Достоевский.

Макс Эгрмонт смог написать большую и интересную книгу о порывах души человеческой. Это настоящая история чувств. Вот Марион фон Дёнхофф выполняет долг перед слушавшим лекции Канта предком и организует установку памятника прославившему эту землю философу, который, как заметил Юрий Иванов, принадлежит не русским или немцам, а всему человечеству (15). Вот Мартин Бергау возвращает память о массовом убийстве евреев в Пальмникене — об одном из последних актов холокоста. Сам Эгрмонт, в чисто британской манере старающийся сохранить беспристрастность, иной раз дает волю сочувствию и удивлению: «Чудесным образом дом Манна, символ открытия великим писателем дикой земли и преходящего мира, выжил» (18). В другом месте он тактично передает удивление своего собеседника по поводу калининградского памятника командиру советской подлодки, потопившему лайнер «Вильгельм Густлофф»: «Должна ли такая трагедия праздноваться публично?» (24).

Большой труд не может быть свободным от неточностей. В книге М. Эгрмонта они в основном касаются топонимических деталей. Пло-

щадь Победы в Калининграде не носила при нацистах имя Эриха Коха (1), на самом деле это была Адольф-Гитлер-плац (Эрих-Кох-плац – сейчас это стадион «Балтика»). «Названия улиц возвращаются назад, – умножает недоразумения М. Эгрмонт, – улица Горького снова стала улицей Гофмана» (1). Среди исторических символов Кёнигсберга автор указывает наряду с восстановленным собором и могилой Канта «средневековые ворота» (1); в другом месте упоминается площадь Ленина в Калининграде (24). Путешественник – живой человек, а человеку свойственно ошибаться. Допуская мелкие неточности, Макс Эгрмонт как будто оказывается одним из персонажей собственной книги, бесхитростно выдавая изредка желаемое за действительное, он не может не вызвать у читателя симпатии искренним желанием понять чувства своих героев и сохранить о них добрую память.

И. О. Дементьев,
канд. ист. наук, доц. кафедры истории БФУ им. И. Канта